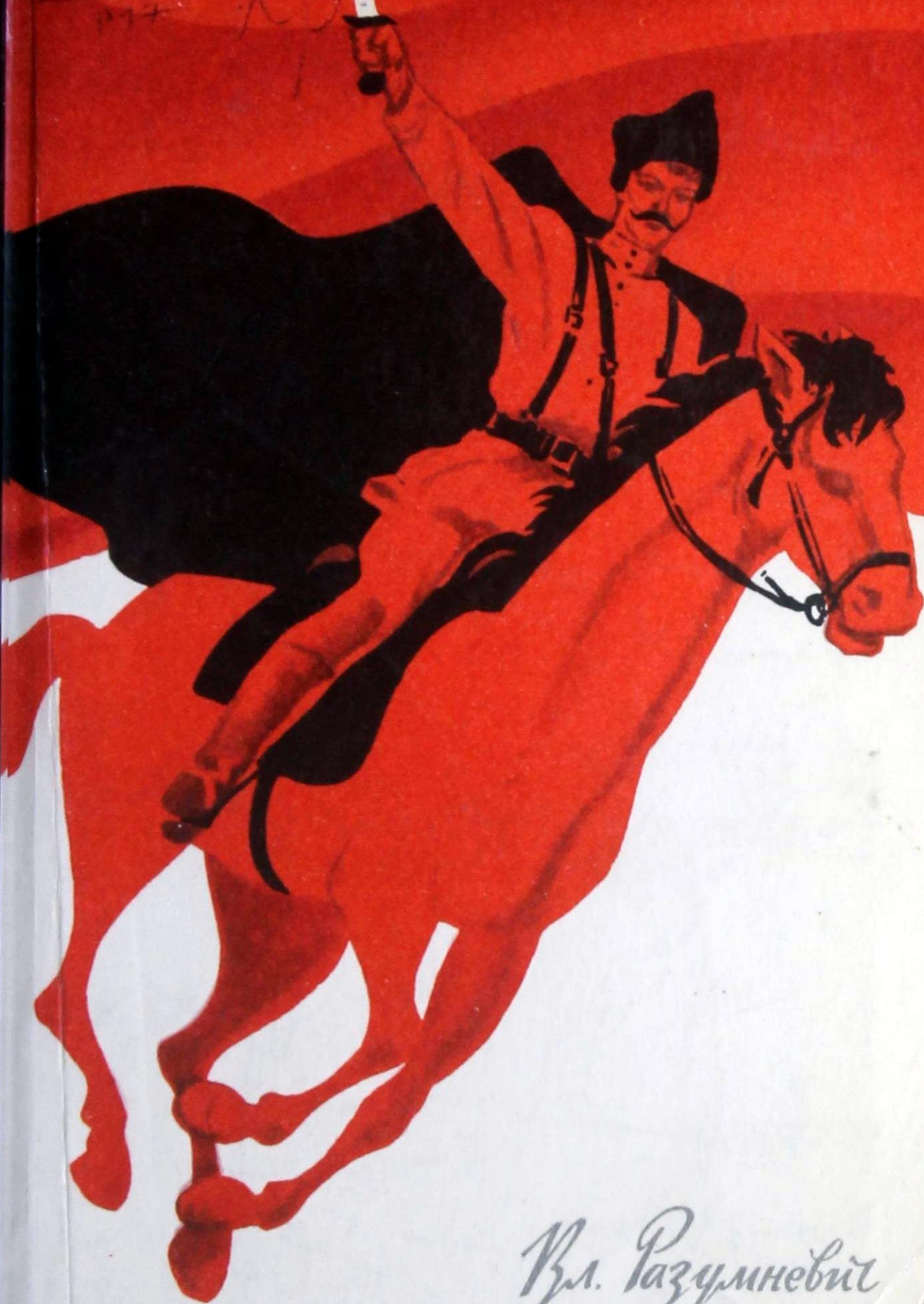

23 522

1977

102

Вл. Разумневич

РОМАН О ЛЕГЕНДАРНОМ НАЧДИВЕ

83.3P7

P 17

Вл. Разумневич

РОМАН О ЛЕГЕНДАРНОМ НАЧДИВЕ

«ЧАПАЕВ» ДМИТРИЯ ФУРМАНОВА

Книга для учащихся

~~83.3P7~~
83
87
82
3697-197 X

БАЛАКОВСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

90

83

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1979

83.3P7
P17

Разумневич Вл.

P17 Роман о легендарном начдиве: «Чапаев» Дмитрия Фурманова. Книга для учащихся.— М.: Просвещение, 1979.— 112 с., с ил.

В книге раскрывается литературное и общественное значение романа Д. Фурманова «Чапаев». Автор рассказывает о писателе, об истории создания образа Чапаева, его прототипе, об идейно-художественном своеобразии одного из первых романов социалистического реализма.

P $\frac{60601-535}{103(03)-79}$ 251—79 4 306 020 300

ББК 83.3P7
8P2

© Издательство «Просвещение», 1979 г.

Всегда радостно открывать для себя героя, судьба которого становится для тебя примером на всю жизнь.

Таким героем для миллионов людей стал талантливый советский полководец Василий Иванович Чапаев.

Проходят годы, но легендарный, вдохновляющий образ его не меркнет в памяти народной. Он по-прежнему учит подростков и взрослых мужеству и отваге, любви к Советской Родине.

Чапаев живет и побеждает вместе с нами. И рядом с ним всегда, неизменно, как и прежде, его боевой друг — Дмитрий Фурманов, комиссар, писатель-коммунист, автор бессмертного романа «Чапаев».

Возвращение к любимой с детства книге всякий раз волнует по-особенному. Это как встреча со старым, надежным другом. Такая встреча всегда вызывает раздумья, заставляет как бы заново пережить судьбу бессмертного героя, свет подвига которого озарил путь к героизму многим и многим читателям.

РОЖДЕНИЕ РОМАНА. ПРОШЛОЕ — ПОДГОТОВКА

Поставлена последняя точка в рукописи, и Дмитрий Фурманов, измученный бессонницей и напряженной — изо дня в день, из месяца в месяц! — изнурительной работой за столом, 4 января 1923 года записывает в дневник: «Только что закончил я последние строки «Чапаева». Отделал начисто. И остался я будто без лучшего, любимого друга. Чувствую себя как сирота. Ночь. Сажу я один за столом у себя и думать не могу ни о чем, писать ничего не умею, не хочу читать. Сажу и вспоминаю, как я по ночам страницу за страницей писал эту первую многомесячную работу. Я много положил на нее труда, много провел за нею бессонных ночей. Много, часто неотрывно думал над нею — на ходу, сидя за столом, даже на работе: не выходил у меня из головы любимый «Чапаев». А теперь мне не о чем, не о ком думать. Я уж по-другому размышляю и о другом: хороша ли будет книжка, пойдет ли, нет?...

Приблизился час моего вступления в литературную жизнь. Прошлое — подготовка».

Глубокая грусть, рожденная неминуемым расставанием с дорогим героем, перемежается в дневниковых запи-

Дмитрий Фурманов. Комиссар
Чапаевской дивизии. 1919 год.

сях с тревожными раздумьями автора о предстоящей судьбе рукописи.

Свободно владея историческим материалом, он смог в сравнительно короткий срок завершить работу над произведением, ставшим в советской художественной литературе одной из первых фундаментальных книг о борьбе трудового народа за власть Советов, о социалистической революции, поднявшей из низов жизни на вершину ратного подвига крестьянского сына Василия Чапаева.

Дмитрий Фурманов написал книгу, о которой давно думал, к которой долго и упорно готовил себя. На этот свой первый по-настоящему крупный по объему и охвату событий литературный труд он возлагал большие надежды. «Идучи бульваром, думал: где счастье? — писал он в дневнике. — К примеру, скажем, написал вот книгу, «Чапаева» написал. Всю жизнь мою только и мечтал о том, чтобы стать настоящим писателем, одну за другой выпускать свои книги... Так неужели нельзя счастьем назвать то время, когда выходит первая большая книга?.. Через неделю книга будет в руках. С удовольствием, с надеждами возьму ее, буду верить и ждать, что станут о ней говорить, говорить обо мне... На «Чапаева» смотрю как на первый кирпич для фундамента...»

Первое издание романа «Чапаев».

С волнением ожидал он выхода книги. И вот спустя два месяца после сдачи рукописи в набор ему позвонили из издательства и сообщили, что книга отпечатана и автор может получить первые экземпляры.

Как на крыльях, радостно устремился он в издательство, к старшему своему товарищу по партии и литературе Пантелеймону Николаевичу Лепешинскому. Тот встретил его приветливо и, вручив автору экземпляр книги, пахнувший свежей типографской краской, сказал одобряюще: «Хорошо. Очень хорошо. Это одно из лучших наших изданий... Это ново. Читать нельзя иных мест без волнения... Успех будет большой...»

Такой лестный отзыв старейшего большевика-литератора, конечно, взволновал и обрадовал автора. Но тревога в душе не угасла. Книга еще не дошла до читателя, и неизвестно, сбудется ли доброе пророчество Лепешинского о ее предстоящем успехе. Как-то отнесутся к «Чапаеву» читатели, критика?

Сразу же после выхода книги в свет о ней повсеместно заговорили, заспорили.

Как и ожидал Фурманов, спор велся и о том, к какому жанру отнести произведение. Большинство читателей и критиков сошлось на одном мнении — книга по своему

содержанию и художественному исполнению является романом, но романом совершенно самобытным, нетрадиционным, по-настоящему советским, каких не было и не могло быть прежде, до революции. «Чапаев» был признан незаурядным явлением социалистической литературы.

Отличительная особенность и новизна романа, по мнению критиков, заключалась прежде всего в том, что в нем впервые художественно ярко и правдиво воссоздан образ настоящего героя революционной эпохи, отражена руководящая роль коммунистической партии и пролетариата в гражданской войне, что Фурманов первым среди советских писателей проявил себя художником, как было написано тогда в одной из рецензий, «который показывает нашу революцию в том ее настоящем виде, в каком очень многие ее не видят».

В 20-х годах литература вела напряженный поиск нового героя — борца за революционное преобразование мира, беззаветно преданного интересам партии и народа. В статьях и литературоведческих исследованиях высказывались предположения, каким должен быть литературный герой — носитель лучших человеческих качеств революционера-ленинца, строителя социалистического общества. Разговоры эти велись чаще всего в теоретическом плане, так как до появления романа Фурманова такого героя в литературе не было. Изобразив реального героя революционного времени, Дмитрий Фурманов наглядно показал один из путей, которым должен следовать советский писатель в решении этой важной задачи.

Очень точно определил место «Чапаева» в литературе социалистического реализма К. А. Федин, сказавший о том, что автор романа одним из первых поставил «во главу повествования художественное изображение нового героя современности... В начале 20-х годов только немногие писатели вплотную садились за решение этой задачи. Едва ли не большинству представлялось, что с ней можно повременить, пока жизнь не создаст кристалльно сложившуюся форму современного героя. Такого решения задачи, как герои Фурманова, кроме него, тогда еще никто не дал. Распространено было убеждение, что в развивающемся новом сознании еще не содержится будущий тип его. Я лично, например, тоже был убежден, что, пока материал зыблется, художник не способен его схватить».

Как видим, один из крупнейших советских писателей, ссылаясь на свой былой литературный опыт, отдает предпочтение художническому поиску Дмитрия Фурманова, говорит о новаторской сущности его творчества, его способности в недрах текущей жизни найти типического героя, несущего в себе черты будущего человека коммунистической формации.

Многие критики увидели в авторе «Чапаева» талантливого представителя новой, социалистической литературы, по-своему развивающего горьковские традиции в художественном показе героики революционной борьбы. «Нечего рекомендовать книгу тов. Фурманова. Ее достаточно знают», — писал вскоре после выхода «Чапаева» журнал «Октябрь». Журнал назвал это произведение интересным и оригинальным образцом пролетарской литературы, имеющим не только огромное историческое, но и, бесспорно, художественное значение. В другой рецензии этого же журнала утверждалось, что образ большевика-комиссара Клычкова, созданный писателем, «удивительно яркий художественный тип настоящего комиссара революции. Вне этого типа, минуя фурмановского Клычкова... теперь нельзя уже писать». Отмечалось идейно-художественное единство фурмановского творчества, «где революционная логика празднует победу над всем случайным и временным, мы видим, как рождается художник, как революционер начинает говорить языком искусства, потому что его убежденность, проверенная практикой, вошла в его «плоть и кровь». Говоря о высоких художественных достоинствах «Чапаева», в котором «романные начала... всячески очевидны», критик журнала «На литературном посту» писал: «В «Чапаеве», написанном в 1922 году, нет следов тех речевых заболеваний, которыми в ту пору занемогла вся пролетарская проза. «Чапаев» держит курс на сегодняшнюю лексическую скромность».

Стремительный скачок в художественном развитии фурмановского творчества для многих был полной неожиданностью. «Чапаев» как-то сразу, внезапно выдвинул Фурманова вперед. Иные исследователи даже впали в растерянность, не зная, как и чем объяснить столь быстрый творческий взлет писателя, освоившего приемы художественного мастерства, новаторского, свободного обращения с многообразием изобразительных средств.

В критических статьях, посвященных «Чапаеву», стало высказываться мнение о том, что Фурманову просто-напросто «повезло», что он встретил в жизни незаурядную личность, истинного советского героя-полководца, который сам по себе настолько выразителен и самобытен, что писателю-де, не было нужды прибегать к каким-либо художественным приемам, к творческой фантазии, а требовалось лишь с фотографической точностью зафиксировать увиденное и услышанное, описать с предельной точностью все как было—и роман готов! Отсюда и стало проникать на страницы журналов и газет утверждение о «хроникальности» и «фотографичности» фурмановского произведения, о натуралистическом воспроизведении действительности. При этом подчас сбрасывалось со счетов художественное дарование автора, его удивительная способность озарять светом революционного идеала конкретное историческое событие и конкретную историческую личность. А ведь именно это поднимало обыденный факт до высот подлинной романтики, заставляло читателя сопереживать герою, жить его тревогами и радостями, вбирать в себя его силу, мудрость, идейную страстность.

Конечно, близкое знакомство с яркой человеческой натурой, с легендарным начдивом способствовало рождению литературного героя, который прочно занял место в первом ряду художественных творений советских писателей. Но ведь в одно время с Чапаевым получили известность и другие талантливые полководцы гражданской войны, которые тоже вышли из народа и были подняты на гребень славы могучей волной революции. Были попытки писателей создать образ народного героя. Почему же в таком случае Дмитрий Фурманов раньше других с потрясающей художественной силой нарисовал образ народного героя, беззаветного революционного борца за построение нового, социалистического общества?

Потому, наверное, что он сам был ярким примером пламенного революционера-писателя, наделенного большевистским мировоззрением, художественной зоркостью, способностью увидеть в жизни рождение нового.

Он смог разглядеть в Чапаеве характерные черты героя советского времени, а затем и талантливо создать героический образ, живой и зримый.

Писатель Ю. Либединский, как и многие другие литераторы, решительным образом опроверг несостоятельную

и субъективистскую критику исследователей, не понявших художественного своеобразия творчества Дмитрия Фурманова, обвинявших его в нарушении устоявшихся принципов композиционного и сюжетного построения романа, в установке на «фактичность», «хроникальность» и «документальность».

«Творчество Дмитрия Андреевича Фурманова, — писал Ю. Либединский, — отнюдь не фотографически-протоколно. Он умест в живых, описываемых им людях подчеркнуть те черты, которые определяют принадлежность того или иного человека к определенной общественной группе, и поэтому живая индивидуальность всегда приобретает у Фурманова характер типичности. Его Чапаев не только живой, подлинный Чапаев — это собирательный образ, в котором показаны черты многих героев, порожденных эпохой гражданской войны»

Высокую оценку «Чапаеву» дали видные руководящие работники партии и советской культуры М. В. Фрунзе, В. А. Антонов-Овсеенко, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский и другие.

С большой любовью отнесся к Дмитрию Фурманову, к его творчеству А. С. Серафимович, активно включившийся в полемику с критиками, не понявшими истинного характера фурмановского новаторства. «Невольюно приходит мысль, — писал он, — был ли Фурманов натуралистом, фотографом, который берет только голую действительность; перед Фурмановым могла встать такая опасность. Но почему же эта опасность миновала Фурманова? Почему мы его произведения воспринимаем как глубоко художественные, как реалистические? Куда же девалась масса его фотографических снимков? Ясно, что он делал отбор. Все его вещи с огромной силой освещены революционным содержанием. Эти материалы собраны как бы натуралистически, но огромное художественное чутье позволило ему отобрать основное и реалистически художественно построить свой материал».

Имя Фурманова быстро приобрело широкую популярность в читательских массах, а главный герой романа, показанный с большой реалистической силой, оттеснил на задний план однотипных персонажей в кожаных куртках — героев книг того времени.

Все, что было написано им прежде — юношеские стихи, очерки и корреспонденции, публиковавшиеся в мо-

сковских газетах «Русское слово» и «Известия», в газетах Иваново-Вознесенска «Рабочий город» и «Рабочий край», первая книга «Красная Армия и трудовой фронт», изданная в виде брошюры в 1921 году, повести о гражданской войне «В восемнадцатом году» и «Красный десант», появившиеся в печати незадолго до завершения работы над «Чапаевым», — все это он считал лишь пробой пера, подготовкой к настоящему, серьезному литературному труду.

Над «Чапаевым» он работал с самозабвенной увлеченностью, недосыпая и недоедая, не оставляя времени на отдых.

Приступив к написанию книги осенью 1922 года, он стремился закончить роман к пятой годовщине образования Красной Армии и выполнил задуманное — уже в начале следующего года отнес готовую рукопись в издательство.

Столь рекордные темпы творческой работы объясняются не только редкостной усидчивостью автора, целиком посвятившего себя воплощению своего художественного замысла, но и глубоким, всесторонним предварительным освоением материала, положенного в основу произведения.

Материал для «Чапаева» в основном он взял из реальной действительности, из того, что автор лично знал и пережил, с чем столкнулся в огневые годы гражданской войны, будучи комиссаром прославленной Чапаевской дивизии.

Благодаря дневниковым записям, где довольно полно фиксировались наиболее важные и интересные факты фронтовой жизни, благодаря постоянному общению с ветеранами-чапаевцами, изучению архивного материала, газет и журналов военной поры Дмитрий Фурманов воскресил в памяти былое, расширил свои познания о любимом герое и боевых действиях чапаевцев. С помощью Ивана Семеновича Кутякова, который командовал 25-й дивизией после гибели В. И. Чапаева, он нашел карты 1920 года тех мест, где сражались чапаевцы, стремился по возможности как можно точнее, конкретнее воспроизвести боевые события. «Голова и сердце полны этой рождающейся повестью, — писал он, приступая к работе над рукописью. — Материал как будто созрел. Ощупываю себя со всех сторон. Готовлюсь: читаю, думаю, узнаю, припомни-

наю — делаю все к тому, чтобы приступить, имея в сыром виде едва ли не весь материал, кроме вымысла».

По композиционному построению, многоплановому отражению картин массового революционного движения, острых драматических событий из истории гражданской войны, по обилию действующих лиц, по глубине проникновения в психологию главных героев — представителей революционного народа, выписанных во всей полноте и сложности, книга Дмитрия Фурманова «Чапаев» по полному праву является героико-эпическим романом.

Создание художественной эпопеи о гражданской войне было заветной мечтой Дмитрия Фурманова. Уже после того, как следом за «Чапаевым» им была написана еще одна книга о гражданской войне — «Мятеж», в письме Алексею Максимовичу Горькому он чистосердечно признался: «Открою вам свою сокровенную мысль, свой план: я, вероятно, проработаю так же детально и серьезно, как в «Чапаеве» и «Мятеже», материал по гражданской войне на других фронтах. Когда буду вполне им владеть, когда научно буду подкован — стану писать эпопею гражданской войны: это уж в форме романа, там уж руки у меня не будут так связаны историзмом, как связаны они были в этих двух книжках».

Еще задолго до того, как критики определили жанр «Чапаева», Дмитрий Фурманов мучительно думал о том, как безошибочней охарактеризовать написанное произведение — то ли это повесть, то ли историческая хроника, то ли воспоминания. А может быть роман? Определить это было непросто.

Решив, видимо, что читатель, привыкший к традиционным формам романа, не отнесет к этому жанру его «Чапаева», построенного на конкретном историческом материале, Дмитрий Фурманов на титульном листе рукописи с предельной скромностью написал — «Очерки из гражданской войны в уральских степях». Чтобы читатель не сомневался в исторической правдивости книги, Фурманов сообщил в предисловии, что она создана по материалам «записной книжки, оставшимся на руках документам, воспоминаниям, статьям — своим и чужим, беседам с некоторыми из дивизионных товарищей».

Писатель явно преуменьшал значение своего литературного труда, определив его как документальное историческое повествование. Современники Д. Фурманова, по-

следующие поколения литературоведов и критиков единогласно утверждают, что по своим художественным компонентам произведение это далеко выходило за рамки чистой документалистики — мемуарной литературы. Это произведение — роман, роман нового типа. Но не тот роман, центром которого по давней традиции было изображение семейной драмы, а семейный конфликт являлся его сюжетной основой. В русской классической литературе, как известно, существовали и прежде романы, где судьбы народные ставились в центр повествования, где художественно раскрывались важнейшие социально-исторические, политические события. Прекрасные тому примеры — романы Л. Толстого, Н. Чернышевского, М. Горького и других. Д. Фурманов продолжил традиции передовой революционной литературы.

В произведении в органическом единстве живет художественная и историческая правда, факт и вымысел, реальная, конкретная личность и герой, рожденный творческой фантазией художника. В документальную основу книги, не нарушая исторической и фактической достоверности, он смело ввел народные речения, песни, сказы, широко использовал разговорный крестьянский язык, поговорки, пословицы.

Поражает богатство авторской интонации — то доверительно-лирическая, то открыто публицистическая, полная высокого гражданского пафоса, то философски-раздумчивая, то песенно-поэтическая, насыщенная фольклорной образностью. Автор здесь выступает не бесстрастным летописцем. Он близко к сердцу принимает происходящее и передает это свое волнение читателю, используя самые разнообразные изобразительные средства. Вкрапленные в повествование пейзажные зарисовки позволяют не только с документальной точностью увидеть особенности местности, простор приволжских и уральских степей, но и глубже почувствовать настроение героев.

Книга не смогла бы с такой покоряющей силой воздействовать на ум и сердце читателя, если бы писатель следовал за фактами истории без вдохновенного их осмысления, без одухотворения документального материала своим воображением.

Влюбленный в творчество Льва Толстого и Максима Горького, он не захотел быть простым фиксатором событий, не стал изображать мелочи жизни безо всякого от-

бора, сообщать подробности, не имеющие никакого значения для развития действия, не играющие роли в судьбах героев. Писатель, работая над книгой, постоянно прибегал к литературному вымыслу, который не только не противоречил художественной правде, но и способствовал более точному, углубленному раскрытию исторической действительности, исторической личности. В его книге, как признавался он в своем дневнике, «обрисованы исторические фигуры — Фрунзе, Чапаев. Совершенно неважно, что опущены здесь мысли и слова, действительно ими высказанные, и, с другой стороны, приведены слова и мысли, никогда ими не высказывавшиеся в той форме, как это сделано здесь. Главное, чтобы характерная личность, основная верность исторической личности была соблюдена... Одни слова были сказаны, другие не могли быть сказаны... Только не должно быть ничего искажающего верность и подлинность событий и лиц».

В произведении смело и талантливо изображено движение трудовых масс в революцию, показан рост личности в горниле революционных битв и сражений за власть рабочих и крестьян. Все это было необычным, новаторским в советской литературе того времени.

Таких людей, как Чапаев, Фурманов искал всю свою сознательную жизнь, с первых лет литературных мечтаний, поэтических проб. Эта мечта возникла в нем еще перед революцией под влиянием книг, которые он читал ребенком, под влиянием революционной действительности, которая в юности привела его к большевикам. В автобиографии он так рассказал о своем жизненном пути: «Я свое раннее детство помню в жалких обрывках: годов до восьми. А тут пристрастился читать. И с тех пор читал много, горячим запоем, особо усердно Конан Дойля, Жюль Верна, Майна Рида, Вальтера Скотта и в этом роде.

Ученье: городское шестиклассное в Иваново-Вознесенске, там же торговая школа, потом на Волге, в Кинешме, за три года окончил пятый, шестой, седьмой классы реального.

Засим Московский университет. Закончил по филологическому факультету в 1915 году, но не успел сдать государственные экзамены — братом милосердия с поездами и летучками Земсоюза гонял на Турецкий фронт, по Кавказу, к Персии, в Сибирь, на Западный фронт под Двинск, на Юго-Западный, на Сарны-Чарторийск.

Чапаев-герой. Художник А. Никонов.

В половине 1916 года приехал в Иваново-Вознесенск и вместе с близким другом по студенчеству Михаилом Черновым работал преподавателем на рабочих курсах.

Ударила революция 1917 года.

Пламенные настроения, при малой политической школе, толкнули быть сначала максималистом, дальше анархистом, и казалось, новый желанный мир можно было построить при помощи бомб, безвластия, добровольчества всех и во всем...

А жизнь толкнула работать в Совете рабочих депутатов (товарищем председателя), дальше — в партию большевиков, в июле 1918 года — в этом моем повороте огромную роль сыграл Фрунзе: беседы с ним расколотили последние остатки анархических иллюзий.

Вскоре работал секретарем губкома партии, членом губисполкома.

Потом с отрядом Фрунзе на фронт. И там: комиссаром 25-й Чапаевской дивизии, начальником политуправления Туркестанского фронта, начальником политотдела Кубанской армии, ходил в тыл к белым на Кубани комиссаром красного десанта, которым командовал Епифан Ковтюх. Тут контужен в ногу. Вместе с другими шестью за этот поход награжден орденом Красного Знамени. Потом в Грузию, из Грузии на Дон, с Дона в Москву. И здесь с мая 1921 года.

1917—1918 годы писал в «Рабочем городе» и «Рабочем крае» (Иваново-Вознесенск); годы 1919—1921 много писал публицистических и руководящих статей в военно-политических журналах; в то же время сотрудничал нерегулярно в газетах («Известия ВЦИК», «Рабочий край», «Красное знамя», «Коммуна» и др.). С 1921 года, приехав в Москву с фронта, написал «Красный десант», «Чапаев», «В восемнадцатом году», начал сотрудничать в московских журналах.

В начале 1925 года вышла новая книга — «Мятеж», посвященная гражданской войне в Семиречье летом 1920 года.

После «Мятежа» вышло еще несколько книжек. Теперь вот года четыре литературную работу считаю главной, основной. Писал я и раньше, писать начал давно, но тогда это было словно между делом. Теперь — иное. Даже совсем иное».

Если мы прочитаем все произведения, которые написал Дмитрий Фурманов до «Чапаева», то увидим — всю свою сознательную жизнь он тянулся к людям высоких дел и чувств, героям нового времени.

Это была мечта о светлой и благородной личности из народа, о герое, человеке мужественном, талантливом, светлом, добром. Мечта эта пленила душу юноши. И он, еще будучи пятиклассником Кинешемского реального училища, почувствовав желание «сделаться писателем и обязательно поэтом», оставил в дневнике такую трогательную запись: «Я уважаю человека, кто бы он ни был, я смело могу даже сказать о себе, что я могу полюбить даже человека естественно за то, что он беден. И это я говорю чистую правду, ничуть не рисуясь и не хвалясь своими чувствами,— я бедных люблю более, нежели богатых. Бывают со мной часто такие случаи: говорят что-нибудь о человеке хорошее, достойное уважения, подражания и любви, говорят о его добродетелях... Слушаешь, узнаешь, что он богат, а в душу как-то невольно вкрадывается сомнение в чистоте дела: или подозреваешь аферу, или в крайнем случае рисовку... Мало, очень мало верю я богачам... Но стоит сделать бедняку из этого хотя бы сотую долю, как сердце мое уже пылает к нему любовью и уважением; я возношу его в своих мыслях, представляю его себе необыкновенным даже человеческим и вижу в нем золотое сердце...»

Вся жизнь Д. Фурманова была подготовкой к созданию образа героя, которого он нашел лишь в дни гражданской войны.

Дневниковые записи, свидетельствуют о серьезных раздумьях юного Фурманова, о росте его политического сознания.

«Человек только тогда истинно высок,— размышляет он,— когда, свято исполняя обязанности человека и гражданина, он кладет все свое достояние, материальное и духовное, исключительно на благо общественное...» И это — не общие фразы, а его твердый, глубоко осмысленный принцип жизни, жажда полезной деятельности, желание безраздельно слиться с народом, не отделять себя от тех кипучих общественных дел, которые совершаются вокруг. «Пойду по народу,— строит он планы на будущее,— не «в народ», а «по народу»: есть страстное желание пережить как можно больше чужих жизней, чтобы знать жизнь мира... Это желание родилось давно— теперь оно преследует меня днем и ночью... Я дворник, сапожник, лакей, портной, народный учитель, крестьянский работник, ломовой извозчик... и много, много дел встает передо мной... Это не пустая мечта—это серьезное желание».

На турецком фронте он был санитаром, «братом милосердия», сам видел растущее недовольство солдат царскими порядками, чувствовал неминуемую революционную грозу, которая внесет в сознание трудового народа новый смысл, даст высокую цель и поднимет его на борьбу «за идею, за святое дело... тогда на крови павших бойцов создадутся колонны молодой, новой жизни».

Когда выстрел «Авроры» возвестит о начале революции и Дмитрия Фурманова назначат председателем Иваново-Кинешемского райсовета, затем и председателем Иваново-Вознесенского губисполкома, он восторженно напишет в дневнике: «Я увидел и почувствовал всем моим существом, что здесь, в Революции,— целый океан поэзии, что здесь и безмерная отвага, и чистота бескорыстия, и нечеловеческое дерзание, что здесь воплощается в самой жизни... огромная красота».

Каждая страница жизни Фурманова неотделима от главной цели, поставленной им перед собой,— борьбы за светлую долю трудового народа. Вместе с отрядами иваново-вознесенских рабочих он отправляется на решаю-

ший фронт гражданской войны, чтобы отстоять в священной борьбе молодую, новую жизнь, о которой он так мечтал. «Вот уже скоро два года,— вспоминает он,—как горю, горю, не угасая. Как робки, неопытны были мои первые революционные шаги! Как тверды, спокойны, уверенны они теперь! Неизмеримо много дали мне эти два года революции! Кажется, целую жизнь не получил бы, не понял бы, не пережил бы столько, сколько взято за время революционной борьбы. Все самое лучшее, самое благородное, что было в душе, все обнажилось, открылось чужому горю, чужому и собственному взору... Прощай же, мой черный город, город труда и суровой борьбы! Не ударим мы в грязь лицом, не опозорим и на фронте твое славное имя, твое геройское прошлое. Мы оправдаем название борцов за рабочее дело... Неизмеримую радость ширится душа. Тихую грустью разлуки томится, печалится она. Прощай же, прошлое — боевое, красивое прошлое! Здравствуй, грядущее, здравствуй, новое, неизведанное — еще более славное, еще более прекрасное!»

Активное участие в революционной борьбе наполняет Дмитрия Фурманова гордым и радостным чувством личной причастности к величайшим свершениям века, открывает перед ним широкие горизонты творческой работы, общественной деятельности.

«Революция,— читаем мы в дневнике,— сразу поставила меня на ноги. Теперь я тверд, и разум мой ясен. Я был до революции, так сказать, потенциальным коммунистом, а теперь эту свою природную потенцию выявил на волю во всей красоте, и простоте, и силе. Сила еще не ушла. Простота была всегда, осталась она и теперь. Красота? Да, в этом развертывании есть и красота, ибо в душе моей живет художественное начало, ибо я жил все время как художник, мыслил и чувствовал образами. И теперь в революционном творчестве я проявляю себя порою именно как художник...»

Росла политическая активность Дмитрия Фурманова, и одновременно с этим росло и крепло его литературное мастерство, вбирая в себя художественный опыт русских революционных демократов — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, литературные симпатии к которым определились у него еще в ранней юности. «Писарев и Добролюбов,— писал он тогда,— перевернули вверх дном все мои убеждения». Под непосредственным

СОДЕРЖАНИЕ

РОЖДЕНИЕ РОМАНА. ПРОШЛОЕ — ПОДГОТОВКА.	3
В ЦЕНТРЕ КНИГИ — НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ	26
КОМИССАР — НОСИТЕЛЬ ИДЕЙ ПАРТНИ	67
РЯДОМ С НАЧДИВОМ, РЯДОМ С КОМИССАРОМ	86
БЕССМЕРТИЕ ГЕРОЯ	99
ЧТО ЧИТАТЬ О ЧАПАЕВЕ И ФУРМАНОВЕ	111

Владимир Лукьянович РАЗУМНЕВИЧ

РОМАН О ЛЕГЕНДАРНОМ НАЧДИВЕ

Редактор *А. В. Ведрашко*
Художник обложки *Ю. К. Левиновский*
Художественный редактор *Н. М. Ременникова*
Технический редактор *М. М. Широкова*
Корректор *К. А. Иванова*

ИБ 3656

Сдано в набор 01.12.78. Подписано к печати 03.05.79. А 03845. 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Литер. гарн. Высокая печать. Условн. печ. л. 5,88.
Уч.-изд. л. 5,86. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6144. Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Типография издательства «Горьковская правда», г. Горький, ул. Фигнер, 32.

25 коп.

